

ЖАК ПЁШЕ

МЕМУАРЫ

извлечённые из архивов
парижской полиции

Том VI

Перевод с французского

Жак Пёше

**Мемуары, извлеченные из архивов
французской полиции. Том VI**

«Автор»

2026

Пёше Ж.

Мемуары, извлеченные из архивов французской полиции. Том VI /
Ж. Пёше — «Автор», 2026

Шестой, заключительный том «Мемуаров, извлечённых из архивов парижской полиции» переносит читателя во Францию последних лет Реставрации и Июльской революции 1830 года. Жак Пёше рассказывает о смене префектов полиции, тайном надзоре за придворными, чиновниками и военными, о политических заговорах и страхах королевской власти. За официальными распоряжениями открывается другой Париж: притоны мошенников, общественные бильярдные, похищения, воры, доносчики и полицейские агенты, чьи действия порой опаснее преступников. Особое место занимают убийство герцога Беррийского, слухи о возвращении Наполеона и события, приведшие к падению Карла X. Документы, свидетельства и финансовые отчёты показывают, как была устроена полиция, сколько стоила государству и почему не сумела предотвратить революцию. Оригинальное издание отнесено к категории общественного достояния, перевод защищен авторским правом.

© Пёше Ж., 2026

© Автор, 2026

Жак Пёше

Мемуары, извлеченные из архивов французской полиции. Том VI

МЕМУАРЫ, ИЗВЛЕЧЁННЫЕ ИЗ АРХИВОВ ПАРИЖСКОЙ ПОЛИЦИИ

Типография госпожи Портманн, улица Азар-Ришельё, 8.

**МЕМУАРЫ, ИЗВЛЕЧЁННЫЕ ИЗ АРХИВОВ ПАРИЖСКОЙ ПОЛИЦИИ
МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ НРАВОВ И ПОЛИЦИИ СО ВРЕМЁН ЛЮДОВИКА XIV ДО НАШИХ ДНЕЙ**

Ж. Пёше, архивист полиции.

ТОМ VI

ПАРИЖ. БУРМАНСЕ, ИЗДАТЕЛЬ, улица Гран-Огюстен, 20. 1838.

КОРОЛЕВСКАЯ БИБЛИОТЕКА МЮНХЕНА.

СОДЕРЖАНИЕ VI ТОМА

Переход к главам основного текста

ГЛАВА LXXXII. Беллем — девятый префект полиции ·

ГЛАВА LXXXIII. Манжен — десятый префект полиции ·

ГЛАВА LXXXIV. Жиро де л'Эн — одиннадцатый префект полиции ·

ГЛАВА LXXXV. Аудиторы при префектуре полиции ·

ГЛАВА LXXXVI. Общественные бильярдные ·

ГЛАВА LXXXVII. Полицейские службы в эпоху Реставрации ·

ГЛАВА LXXXVIII. Разоблачения молодого рабочего ·

ГЛАВА LXXXIX. Так называемый Восточный заговор ·

ГЛАВА CX. Похищение ребёнка и полицейские донесения ·

ГЛАВА LCI. Слухи о Наполеоне и тайники преступников ·

ГЛАВА XCII. Различные способы шпионажа ·

ГЛАВА XCIII. Герцог Беррийский и общественные настроения ·

ГЛАВА XCIV. Франция накануне событий 1830 года ·

ГЛАВА XCV. Префектура полиции в 1830 году ·

ГЛАВА XCVI. Расходы прежней и современной полиции ·

ГЛАВА LXXXII

6 ЯНВАРЯ 1828 — 8 АВГУСТА 1829 ГОДА.

Г-н де Беллем, член Палаты депутатов, становится девятым префектом полиции.

Перемены, происшедшие в составе должностных лиц и в органах управления, должны были повлечь за собой отстранение г-на Делава от полицейской префектуры. Те же события лишили г-на Франше, имевшего многочисленных противников, руководства общей полицией. Это управление было вновь упразднено и окончательно присоединено к Министерству внутренних дел, в котором оно составляет одну из главных областей ведения, порученных особым бюро.

Преемником г-на Делава стал, как я уже говорил, г-н де Беллем, 6 января 1828 года; он исполнял важные обязанности при Королевском суде Парижа и занимал должность королевского прокурора при гражданском суде Парижа, когда новое министерство представило его королю на должность префекта полиции (1).

(1) Сегодня, 12 марта 1830 года, я так страдаю, что задумал броситься в воду, если у меня хватит на это сил. Великий Боже! Тогда прекратились бы мои ужасные мучения. Как я страдаю душой и телом!

Эта необыкновенная заметка написана рукой Жака Пёше. Я считаю необходимым сохранить её ввиду заключённых в ней мучительных и меланхолических размышлений. (Примечание издателей.)

Благосклонность, окружавшая его в тот момент, сопровождала г-ну де Беллему при вступлении в новую должность. Приветливость облика и примирительные манеры снискали ему любовь всех, кто с ним соприкасался. Первой его заботой после вступления в управление было исправить некоторые ошибки предшественника при подборе служащих. Он постарался также посредством временных сбережений покрыть недостаток средств, возникший в фондах префектуры при г-не Делаво. Он уделил больше заботы и внимания некоторым частям службы, которыми прежде пренебрегали, и произвёл несколько перемен в составе канцелярий, понимая их важность для правильного и быстрого ведения дел.

Г-н де Беллем проявил себя рассудительным сторонником монархии; однако в то время его склонности влекли его к тем либеральным идеям, от которых впоследствии у него появилось столько причин отойти. Этот образ мыслей, столь несогласный со взглядами его предшественника, сделал его любимцем множества людей. И в доказательство его конституционных убеждений я укажу на своего рода воззвание, которое он распорядился напечатать в газетах по следующему случаю:

31 марта 1828 года на Елисейских Полях, в заведении трактирщика, состоялось многочисленное собрание избирателей. Сторонникам павшего министерства этого оказалось достаточно, чтобы поднять крик об анархии и усмотреть в этом стихийном собрании клуб со всеми задатками якобинской революции девяносто третьего года.

Второе собрание было назначено на следующее воскресенье. Ожидали, что префект запретит его, сославшись на законы о неразрешённых политических собраниях. Так и произошло, но с такой умеренностью, сдержанностью и уважением к принципам свободы, что они снискали ему одобрение подавляющего большинства общества.

«Собрание, состоявшееся в прошлое воскресенье на Елисейских Полях, — говорит г-н де Беллем в этом документе (1), — способ его организации, характер происходивших на нём обсуждений, огласка, приданная этим обсуждениям, — всё это породило серьёзные опасения в умах людей благоразумных и друзей порядка и должно было пробудить озабоченность правительства.

(1) См. «Монитор» от 4 апреля 1828 года.

«Выборы, несомненно, представляют собой важнейшую из процедур, к участию в которых призываются граждане; выбор депутатов имеет для них столь настоятельное и законное значение, что справедливо и необходимо предоставить им широкую свободу в выборе средств, позволяющих составить о нём суждение. Такие средства находятся в их распоряжении. Газеты, брошюры, заявления о политических убеждениях, циркуляры распространяются совершенно свободно. И это ещё не всё; нередко устраиваются более или менее многочисленные собрания, на которых избиратели стремятся достигнуть взаимного понимания и согласия (1).

(1) Сильно страдаю, очень тревожен, совершенно пал духом, 12 марта 1830 года.

Ещё одна скорбная заметка нашего автора. (Примечание издателей.)

«Правительство знает о существовании этих собраний и не чинит им никаких препятствий, поскольку они проходят в частных домах, никак не действуют за их пределами и не представляют сколько-нибудь серьёзного неудобства.

«Совсем иначе обстоит дело с собранием избирателей первого округа Парижа, состоявшимся в прошлое воскресенье в одном из кафе на Елисейских Полях.

«Это собрание было созвано; оно собралось в общественном месте, даже не уведомив власти, на которую возложено поддержание порядка; оно учредило себя и организовалось; оно действовало как совещательное собрание; оно опубликовало свои правила, хотя нельзя установить, откуда происходят полномочия на их издание; у него были председатели, секретари, весь состав бюро, хотя неизвестно, от кого эти должностные лица получили свои полномочия; оно допустило торжественное обсуждение, в ходе которого под видом рассмотрения кандидатур ораторы подвергли разбору важнейшие факты, наиболее значительные действия государственной власти, одобрили или осудили поведение палат, избирательных коллегий и всей Франции; оно назначило новую встречу на определённый срок для возобновления своих трудов; а на следующий день газеты опубликовали протокол этого странного заседания.

«Надо сказать это, потому что такова правда: общественный порядок не был нарушен в том смысле, что влияние этих оживлённых прений не распространилось вовне, и в этом отношении у администрации не возникло необходимости немедленно вмешиваться.

«Однако невозможно скрыть от себя, что подобные собрания, находящиеся вне всякого воздействия государственной власти, заключают в себе нечто неправильное и опасное, чего нельзя терпеть.

«Закон от 5 февраля 1817 года, регулирующий проведение избирательных собраний, безусловно запрещает всякое обсуждение, всякое совещательное решение. Как же возможно, чтобы то, что запрещено законодательством в собрании правильном, законном, проходящем под председательством должностного лица, назначенного для этого королевской властью, дозволялось на собрании тех же граждан, когда оно не предусмотрено и не разрешено, когда ни один человек, наделённый законными полномочиями, не обязан поддерживать в нём порядок и предотвращать это опасное отступление?

«Как можно представить себе, чтобы одному или нескольким лицам была предоставлена возможность по своему усмотрению собирать в общественном месте огромное число граждан (1), дабы отдавать на их неосмотрительное и страстное обсуждение важнейшие вопросы внутренней и внешней политики?

(1) Сообщалось, что на собрании, о котором здесь идёт речь, присутствовало от семисот до восьмисот человек.

«Указывают, что собрание, вызвавшее эти замечания, состояло только из избирателей (2) и что на нём рассматривались лишь вопросы, касавшиеся достоинств кандидатов.

(2) Этот довод в пользу проведения подобных собраний весьма весок; власть знала, что их участниками были избиратели; следовательно, основания, приводимые против собраний вообще, не распространялись на собрание избирателей; им следовало лишь заранее уведомить о своём намерении собраться: утверждали, что они это сделали.

«Но разве сами эти вопросы естественным образом не связаны со всеми вопросами законодательства и политики? Разве ставить кандидату в заслугу или в упрёк его поведение по поводу того или иного законопроекта, того или иного действия правительства не значит неизбежно отдавать его проекты и поступки на одобрение или осуждение собрания (1)? И, не выходя за пределы того, что происходило на последнем собрании, разве не говорили ораторы с жаром о действиях высшей администрации, о мерах, принятых палатами, о поведении избирательных коллегий? Разве не провозглашали они принципов, не высказывали мнений, не оспаривали прав, не устанавливали обязанностей?

(1) Здесь префект или, вернее, правительство, мысли которого он выражает, приводит весьма слабый довод; потому-то он никого и не удовлетворил: нетрудно понять почему!

«Всё это происходило, правда, без внешних беспорядков; но это собрание созывалось впервые, и общественное любопытство ещё не было возбуждено. Кто мог поручиться, что новое собрание не приведёт к иным результатам?

«На этот раз это были мирные люди, не желавшие нарушать общественный порядок; но это лишь начало, лишь поданный пример; и всем избирателям публично предлагается последовать ему.

«Какой рассудительный человек, какой добросовестный гражданин станет утверждать, кто может обещать самому себе, что повсюду собрания будут мирными, мнения не столкнутся в ожесточённых противоречиях, прения пройдут без вражды, а учения и примеры не представляют опасности? Что искра этих оживлённых прений не вырвется наружу, чтобы принести огонь и беспорядок?

«Если избиратели вправе собираться по приглашению одного из них, то каким средством можно будет воспрепятствовать тому, чтобы, в свою очередь, граждане, не обладающие избирательными правами, собрались для обсуждения вопросов, затрагивающих их интересы?

«Где найдётся закон, который защитит собрания избирателей и откажет в своей защите другим гражданам? Где будет предел, у которого должна остановиться эта неистовая возможность собираться? Какие гарантии общественный порядок мог бы найти среди подобных отступлений?

«Правительство желает обеспечить всем полноту их прав, и, противодействуя опасным крайностям, оно тем самым лишает врагов свободы всякого законного повода для жалоб и тревоги.

«Собрание, состоявшееся 31 марта в кафе под названием „Салон Марса“, расположенном на Елисейских Полях, и отложившее свои заседания до воскресенья, 6 числа текущего месяца (апреля), не получило разрешения и не может быть допущено. Правительство довело отсутствие разрешения до сведения судебных властей, чтобы в случае нового собрания были приведены в исполнение положения закона.

«Оно распорядилось заранее довести эту меру до всеобщего сведения, будучи убеждено, с одной стороны, что она встретит одобрение мирных людей, а с другой — что этого спасительного предупреждения будет достаточно для предотвращения повторения злоупотребления, которое вскоре могло бы стать источником беспорядков».

Этот язык был настолько далёк и настолько отличался от того, которым власти до сих пор пользовались в подобных обстоятельствах, что, несмотря на некоторые сомнительные принципы или оспариваемые доводы, содержащиеся в этом документе, публика выразила величайшее удовлетворение и была чрезвычайно признательна г-ну де Беллему: в нём увидели благоприятное предзнаменование относительно того, как он будет исполнять свою должность. Поэтому я счёл необходимым привести его как историческое свидетельство о системе его управления. Полиция оказывает такое большое влияние на политический порядок, что нельзя пренебрегать ничем, что помогает её узнать.

Управление г-на де Беллема ознаменовалось важными переменами в различных отраслях полиции и учреждением приюта и дома труда, для создания которого он обратился к общественной щедрости. Я расскажу об этом ниже.

Именно ему мы обязаны учреждением городской стражи, старинного муниципального института, который он поставил на службу полиции; весь Париж приветствовал создание этих новых агентов, хорошо дисциплинированных, хорошо одетых и распределённых поровну по двенадцати округам Парижа. Благодаря им полиция перестала быть скрытой, таинственной, ведущей тайные дознания; она стала действовать открыто и достойно. Я считаю городских стражей наиболее полезными служащими различных общественных служб. Одно их присутствие утихомиривает драки, прекращает ссоры, сдерживает злоумышленников; долг всякого доброго гражданина — одобрять их деятельность и уважать их, пока они ограничиваются открытой службой.

Изданное им по этому предмету постановление от 12 марта 1829 года гласит:

«Городским стражам в Париже будет поручено исполнение законов и постановлений муниципальной полиции. Они будут поставлены под руководство комиссара полиции, ведающего муниципальной полицией, и при исполнении приказаний им будут содействовать инспекторы полиции, при необходимости оказывающие силовую поддержку».

На городских стражей возложено исполнение постановлений, касающихся общественных улиц и свободного передвижения, значение которого возрастает с каждым днём.

Городских стражей набирают из числа уволенных с военной службы лиц, имеющих хорошие свидетельства. Их мундир синего цвета и весьма похож на мундиры инспекторов, несущих ныне службу в Тюильри и Пале-Рояле.

Приблизительно в то же время, а именно 14 марта, г-н де Беллем издал весьма разумное положение, призванное упорядочить и сделать более деятельной службу комиссаров полиции; предписанные им меры обеспечили более быстрое получение сведений о преступлениях и проступках и сделали розыск их виновников более лёгким и надёжным.

Но одной из мер его управления, вызвавшей самые различные суждения, хотя её требовали по тысяче разных соображений, была отмена сбора, которому подвергались публичные женщины ради охраны их здоровья и здоровья посещающих их мужчин. Это нуждается в некотором пояснении.

Плата, которую обязаны были вносить публичные женщины в Париже, давно и совершенно справедливо вызвала громкие протесты: её считали скандальной, противной нравам и словно бы предоставляющей тем, кто её вносил, право заниматься проституцией, что составляло нелепое противоречие с правом, которое полиция всегда себе присваивала, арестовывать этих женщин не из-за скандала, который они могли бы учинить, — что всегда справедливо и законно, — а просто как публичных женщин и потому, что властям угодно так поступать. Другим неудобством этой платы был незаконный обычай префектуры приговаривать к трём месяцам тюрьмы тех, кто не мог уплатить сбор, который, как мы видели в одной из предыдущих глав, составлял три франка в месяц.

Г-н де Беллем почувствовал эти неудобства и, не отказываясь от произвольной системы в отношении публичных женщин, по крайней мере счёл справедливым освободить их от сбора и от тюремного заключения, которому их подвергали административным порядком за неуплату.

Об этой перемене было объявлено в «Монитёре» от 17 декабря 1828 года, и она была закреплена полицейским постановлением.

В статье «Монитёра» можно было прочесть: «Муниципальная полиция Парижа будет обязана г-ну де Беллему важным усовершенствованием, которого давно требовало положение на улицах города. Нас уверяют, и мы можем поручиться за достоверность этого известия, что взимание платы с определённого разряда женщин для покрытия расходов на медицинский осмотр, которому они подвергаются, наконец прекратится. Достаточно известны необходимость подобного рода службы в таком большом скоплении людей, каким является столица, и внимание, которого полиция не переставала ей уделять. Особое предназначение для этой цели имеет учреждение, известное под названием санитарного диспансера. На протяжении почти пятнадцати лет, в течение которых он правильно организован, администрация считала возможным взимать своего рода налог для покрытия вызываемых им расходов, вознаграждения прикрепленных к нему врачей и жалования служащих, труд которых там необходим. Г-н префект полиции счёл, что незаконность этого налога и способов, применяемых для принуждения к его уплате тех, кто обязуется платить, не может сохраняться при законном правлении и при соблюдении приличий, а до известной степени и человеколюбия. Следовательно, впредь этот разряд женщин более не будет оплачивать санитарную помощь, необходимую вследствие их положения. Г-н префект рассматривает эти расходы так же, как все расходы на больницы и учреждения, посвященные общественному здравоохранению. Ассигнование приблизительно в 80 000 франков по полицейскому бюджету позволит ему покрыть многочисленные нужды,

которые повлечёт за собой эта перемена; следствием её будут большая пристойность, большая справедливость, большая экономия и правильность; полицию перестанут обвинять в том, что она собирает постыдный налог ради разрешения беспорядка, опасности и неудобства которого она, напротив, старается лишь уменьшать».

В разные периоды моей службы в полиции я ходатайствовал об этой реформе, и прочитанная только что статья, написанная мною для «Монитёра», выражала мои взгляды, которые префект наконец предписал воплотить посредством следующего постановления г-на де Беллема по этому предмету:

«16 декабря 1828 года.

«Мы, префект полиции, принимая во внимание, что диспансер представляет собой учреждение, созданное в интересах города Парижа и обеспечивающее его жителям защиту от заразного недуга, угрожающего здоровью и чести семейств; что в этом отношении он заслуживает покровительства муниципальной власти;

«Что налог, взимаемый под названием платы за осмотр и терпимое отношение, не разрешён никаким законом и что соображения общественной пользы, послужившие причиной его установления, не могут его оправдать;

«Что обязанность уплачивать этот налог отвращает многих женщин от диспансера и побуждает уклоняться от розысков инспекторов, тогда как они с большей исправностью подвергались бы этой необходимой предосторожности;

«Что инспекторов отвлекают от службы для занятия сборами; что, кроме того, необходимо устранить всякое представление о фискальных интересах из вопроса, касающегося исключительно здоровья и нравов;

«Что этот налог, осуждаемый законом, нравственностью и общественным мнением, вызывает неприятные обвинения против администрации;

«Принимая во внимание, что муниципальный совет, признав значение этих соображений, внёс в бюджет 1829 года ассигнование на эту службу (1).

(1) Это ассигнование, обозначенное в предшествующей статье суммой в 80 000 франков, было установлено муниципальным советом лишь в размере 75 000 франков.

«Постановляем следующее:

«Налог, установленный для обеспечения медицинской службы, надзора и пресечения нарушений по ведомству так называемого диспансера, отменяется с 1 января будущего года».

Самой важной из мер г-на де Беллема, бесспорно, была та, которая имела целью искоренение и упразднение нищенства. Не располагая средствами для столь большого предприятия, он последовал примеру мэра Бордо и обратился к щедрости и патриотизму парижан, как это сделали бордоские магистраты по отношению к своим согражданам. Г-н де Беллем рассчитал, что ему потребуется от миллиона четырёхсот до миллиона пятисот тысяч франков для учреждения дома приюта и помощи, где живущие подаванием люди могли бы найти средства к существованию, а в случае отказа отправиться туда могли быть арестованы, преданы суду как нищие и отправлены в работный дом для нищих.

Руководствуясь этими намерениями, г-н де Беллем разослал всем видным жителям Парижа циркуляры с приглашением сделать пожертвование на это доброе дело; через два месяца он собрал около 800 000 франков, из которых две трети были внесены наличными, а остальное обещано к уплате в более или менее отдалённые сроки, но не позднее года.

На эти средства был куплен участок на улице д'Урсин, в предместье Сен-Марсо, где возвели здания и снабдили их мебелью для приёма приблизительно сотни нищих; к ним присоединили даже отдельное заведение для рабочих со стороны, которые могли бы приходить туда за работой. Для правильного распоряжения средствами был учреждён совет по управлению фондами, председателем которого стал г-н де Беллем. Этим различным мерам предшествовало постановление от 20 сентября 1828 года о нищенстве, основные положения которого я приведу.

Изложив статьи Уголовного кодекса о пресечении нищенства и неудобства, проистекающие из неисполнения этих статей, префект добавляет:

«В течение одного месяца все нищие, не принадлежащие к департаменту Сены или к коммунам Сен-Клу, Севр и Мёдон, обязаны покинуть их территорию под угрозой принуждения к этому всеми законными способами.

«Нетрудоспособные нищие, не имеющие возможности обеспечить себе пропитание собственным трудом, принадлежащие к городу Парижу или коммунам, подведомственным полицейской префектуре, а также те, кто, хотя и трудоспособен, оказался в подобном положении вследствие непредвиденных несчастий или полного отсутствия работы, будут по их просьбе и после предъявления всех необходимых доказательств приняты в приют в Виллер-Котре.

«Все лица, без различия пола и возраста, принадлежащие или не принадлежащие к городу Парижу и коммунам, подведомственным полицейской префектуре, которые впредь будут обнаружены там за нищенством, подлежат, без ущерба для любых надлежащих административных мер, аресту и преданию суду для разбирательства в соответствии с законами».

Это постановление заставило нищих исчезнуть с улиц Парижа, но не устранило нищенства; отчасти для достижения последней цели и был основан упомянутый дом приюта и труда, управлением которого руководят люди, отличающиеся просвещённостью и человеколюбием: во главе стоят господа Кошен и де Беллем. Последний покинул префектуру прежде, чем учреждение было окончательно устроено; однако уже в нынешнем виде оно приносит беднякам большие преимущества, избавляя их от необходимости прибегать к нищенству. Надеялись, что в течение года оно будет полностью устроено.

Муниципальная полиция и заведения или учреждения, способные содействовать её исправной работе, чистоте города и безопасности на улицах, преимущественно занимали г-на де Беллема; об этом свидетельствуют многочисленные постановления, исходившие из его канцелярий; и это не самая малая похвала, какую можно воздать его управлению.

Первое из них, опубликованное им 1 сентября 1828 года, имело целью обязать мужчин и женщин, занимающихся сбором тряпья и отходов, которые днём и ночью ходят по Парижу, заявлять о себе властям; это постановление было встречено одобрением, поскольку казалось одинаково необходимым для чистоты и безопасности. Вскоре затем, 10 числа того же месяца, он издал в форме постановления правила для уличных шарманщиков, чтобы предупредить злоупотребления, которые позволяют себе эти люди, играя и распевая непристойные или противные общественному порядку песни.

Запряжка собак в маленькие повозки уже вызывала жалобы и стала предметом постановления г-на Делава; новым постановлением от 25 сентября 1828 года г-н де Беллем распространил на ручные тележки обязанность иметь установленное место и получать разрешение полиции на пользование ими на улицах. Использование собак для упряжки оставалось строго запрещённым. Постановление от 4 февраля 1829 года возобновило правила, касающиеся рабочих, их обязанностей перед хозяевами, их рабочих книжек и поведения в мастерских. Постановление от 5 мая 1829 года, касавшееся азартных игр и лотерей, запрещённых на улицах, было встречено с большим одобрением; оно пресекло множество злоупотреблений, ежедневно множившихся и вызывавших общественное осуждение. Постановление от 15 мая 1829 года о купании в реке и школах плавания, повторяя прежние полицейские предписания, дополнило их теми, которых требовали обстоятельства. Ещё более полезным, быть может, было постановление от 9 июня 1829 года о мерах общественной безопасности и порядке строительства, которого следовало придерживаться при возведении театральных залов. Безопасность и свобода передвижения получили новые гарантии в весьма просторном и чрезвычайно подробном постановлении от 8 августа 1829 года; полагаю, это было последнее постановление, изданное г-ном де Беллемом.

Поскольку министерство, призвавшее его в префектуру, было отправлено в отставку, а его сменило министерство во главе с князем Полиньяком, г-н де Беллем оказался вынужден подать в отставку и уйти вместе с министерством, убеждения которого разделял. Король и публика с сожалением встретили его уход, и ни один префект ещё не вызывал столь сильного сожаления. Из полицейской префектуры он перешёл на должность председателя гражданского суда департамента Сены, а его преемником 8 августа 1829 года стал г-н Манжен (1).

(1) Сегодня, 5 марта 1830 года, накануне дня моего рождения, я чувствую себя так дурно, так пал духом, так слаб и так страдаю, что оставляю перо и откладываю работу до другого времени, если только сумею выбраться из бездны, в которой нахожусь.

Ещё хуже в последующие дни, без надежды на спасение.

Примечание. Эта фраза, целиком написанная рукой Жака Пёше, завершает изображение его душевного состояния; это отзвук смерти, которая вскоре наступила и была вызвана несправедливостями, жертвой которых стал г-н Пёше.

Кроме того, эта заметка позволяет установить точную дату рождения нашего автора, неизвестную всем прежним биографам. Он родился 6 марта 1760 года и умер в 1831 году.

ГЛАВА LXXXIII

8 АВГУСТА 1829 — 26 ИЮЛЯ 1830 ГОДА.

Г-н Манжен, член Кассационного суда, десятый префект полиции.

Редко случается, чтобы перемена министерства не влекла за собой и перемены префекта полиции. Эта должность имеет столь большое значение, она оказывает такое влияние на намерения и действия правительства, что первой его заботой становится обеспечить себе преданность человека, исполняющего эти обязанности.

Г-н де Беллем был назначен в подобный момент, когда король избрал всех министров из конституционной и доктринёрской партии, во главе которой стоял Руайе-Коллар. Я уже рассказал о характере г-на де Беллема и о приобретённой им репутации честного и просвещённого администратора; именно эти качества отличали его в большей степени, нежели способности полицейского деятеля; устройство службы и её усовершенствование занимали его вообще больше, чем надзор и исполнение распоряжений. Он оставил своему преемнику достойные примеры для подражания, и г-н Манжен, хотя и обладавший более живым и пылким нравом, был вполне способен следовать им; при вступлении в должность он даже обещал это, как я расскажу ниже.

Поскольку министерская перемена, которая в апреле 1829 года привела г-на де Беллема в префектуру полиции, сменилась полным переворотом и прежнюю систему заменила другая, более пагубная для королевской власти, г-н де Беллем, человек мягких чувств и умеренных политических взглядов, уже не подходил новому министерству, сам пожелал уйти в отставку, и г-н Манжен занял его место.

Это человек лет сорока двух, невысокого роста, живой, горячий, убеждённый роялист и всецело преданный делу короля; он отец девятерых детей; эти отличительные черты делали его весьма подходящим для должности, на которую его призывали. Г-н Манжен обладает всем, что необходимо деятельному полицейскому магистрату: он предан своим обязанностям и больше заботится о сохранении общественного порядка, чем о нововведениях в управлении. В этом отношении столица понесла потерю вследствие его вынужденного ухода, к которому его принудили великие события минувшего июля.

Вступив в префектуру, г-н де Беллем обнародовал своего рода исповедание веры, как я уже сообщал выше, и г-н Манжен в некоторой мере последовал его примеру, собрав всех служащих и подчинённых своего управления и произнеся энергичную речь, в которой объявил о своём намерении управлять беспристрастно и твёрдо: все остались в общем довольны тем, как он изложил правила, которыми намеревался руководствоваться внутри своих канцелярий

и при распределении должностей; пока он оставался на своём посту, он не отступал от этих правил и принадлежит к числу префектов, которым менее всего можно поставить в упрёк тайные несправедливости по отношению к подчинённым и те поступки, продиктованные покровительством, что вызывают столько справедливых жалоб со стороны людей, не пользующихся подобными милостями. Г-н Манжен отличался душевным благородством и не раз обнаруживал его, как можно было бы показать здесь на примерах.

Хотя он не одобрял всех перемен и нововведений, введённых его предшественником в полицию, особенно во внешнюю службу, некоторые из них он всё же сохранил, в частности городских стражей, учреждение которых, по-видимому, пришлось по вкусу публике и которые приносили пользу при исполнении своих обязанностей; зато он упразднил, и правильно сделал, помощников полицейских комиссаров, лишь затруднявших работу главных комиссаров и мало содействовавших поддержанию порядка.

Учреждение г-ном де Беллемом дома приюта и труда как предварительного средства для искоренения нищенства с самого вступления г-на Манжена в префектуру сделалось предметом разногласий и споров между этими двумя магистратами. Г-на Манжена пытались упрекать в том, что он пренебрегал направлением нищих в дом приюта и труда и тем самым делал менее полезным для поставленной великой цели всё, что было сделано до того времени, но г-н Манжен отвечал, что как глава полиции он имеет право отправлять в заведение для нищих или подобное учреждение лишь тех, кто в соответствии с Уголовным кодексом признан нищим по приговору суда и задержан в этом качестве. Хотя такое расхождение во взглядах должно было повредить замыслу г-на де Беллема и действительно ему повредило, не видно, чтобы общественное мнение осудило первого из них; а поскольку для завершения предприятия требовались весьма значительные суммы, от него отказались тем охотнее, что никто не был огорчён возможностью избавиться от уплаты затребованных и даже уже обещанных по подписке средств.

Но в высшем обществе и среди журналистов его особенно отличали политические убеждения и та скрытая деятельность, которую он придавал надзору, осуществляемому ради содействия планам министерства. Возможно, однако, он предавался этой стороне своих обязанностей не с таким рвением, как один из его предшественников, г-н Делаво; но великие и торжественные события, происшедшие в конце июля, по-видимому, свидетельствуют о том, что ни тот ни другой, ни подобные им люди, несмотря на всю свою бдительность и проницательность, не сумели познать характер парижского народа и были мало расположены повиноваться приказам двора в дни смуты и опасности.

Но хотя эта сторона деятельности, с которой я мог бы здесь дать представление о тайной и политической полиции г-на Манжена, представляет большой интерес, я не стану на ней останавливаться как потому, что факты известны плохо, так и потому, что она увлекла бы меня к изложению событий и переменчивых обстоятельств, чуждых предмету моего труда.

Поэтому я обращаюсь к деятельности г-на Манжена в области полиции и надлежащего управления его канцеляриями; и то и другое в равной мере заслужило ему похвалу. Приводят примеры бдительности и проницательности, проявленных в отданных им приказах и принятых мерах ради обнаружения мошенников, разрушения их замыслов, предания их правосудию и пресечения возможности для воров и разбойников хотя бы на мгновение пользоваться покоем, к великому удовлетворению жителей столицы.

Факт, который не следует забывать и который делает честь г-ну Манжену, заключается в том, как он сумел действовать и руководить полицией в течение двойной и суровой зимы 1829–1830 годов. Хотя он ещё был новичком в управлении, он выдержал это испытание с редкой деятельностью и сумел удовлетворить все нужды, которых потребовала столь тяжёлая служба во время двух ледоходов. Лишь немногие несчастные случаи сопровождали разрушительное действие воды и льда; порядок, повиновение и трудовая дисциплина поддерживались среди

сотен рабочих, занятых этими тяжёлыми и опасными работами; г-н Манжен со всем справился, всё предусмотрел и показал себя умелым и благодетельным администратором. Я был обязан воздать ему эту справедливость, в которой партийный дух, возможно, ему откажет, но которую он тем не менее заслужил своими действиями в те дни опасности и общественного бедствия. Благодаря его заботам никакого крупного несчастного случая, никакого значительного бедствия из-за беспорядков в судоходстве не произошло или, по крайней мере, не было такого, которое можно было бы по справедливости приписать его небрежности.

Если г-н Манжен таким образом заслужил уважение своей административной деятельностью и в этом отношении сменил неблагоприятное чувство, с которым его встретили при вступлении в префектуру, на благожелательное расположение, то иначе обстояло дело с некоторыми прежними обстоятельствами его жизни, которые либеральная партия не переставала ему припоминать, обвиняя в жестокости, произволе и нарушении законных форм при разбирательстве дела генерала Бертона и Сомюрского заговора (1). Однако я не стану входить в рассмотрение поведения г-на Манжена в этом деле; чтобы должным образом осветить этот предмет, потребовалось бы пространное обсуждение, выходящее за пределы, которые я должен здесь себе поставить.

(1) 24 февраля 1822 года генерал Бертон вместе с Делоном, бывшим артиллерийским лейтенантом, выступает из Туара во главе пятидесяти вооружённых людей, несущих трёхцветный флаг и трёхцветные кокарды. Он предпринимает попытку овладеть Сомюром: заговорщики обращены в бегство.

Однако большинство из них арестовано. 12 сентября 1822 года суд присяжных в Пуатье, перед которым их предают суду, по обвинительному акту г-на Манжена приговаривает к смертной казни генерала Бертона и гг. Каффе, Анри, Фрадена, Соже и Сенешо. Указом от 7 апреля 1824 года король дарует полное помилование восемнадцати другим сообщникам генерала Бертона.

Итак, я вернусь к полицейским мерам, которыми ознаменовалось его управление; они изложены в различных постановлениях, напоминающих о прежних распоряжениях или устанавливающих новые правила по нескольким вопросам муниципальной полиции Парижа.

Не все они одинаково важны и представляют общий интерес.

По-видимому, торговлю старыми книгами и их скупку букинистами и уличными торговцами описали г-ну Манжену как занятие, влекущее за собой многочисленные злоупотребления: оно будто бы облегчало молодым людям и другим лицам продажу похищенных книг и, кроме того, позволяло распространять сочинения непристойные и противные религии и нравам. Поэтому префект издал по этому предмету весьма строгое постановление от 19 сентября 1829 года, в котором вновь подтвердил несколько прежних полицейских правил на этот счёт. Сомнительно, однако, чтобы меры, предписанные г-ном Манженом, исполнялись в точности; а после великих событий конца июля 1830 года можно сказать, что, возможно, за их соблюдением уже и не следят. Запрет покупать какие бы то ни было книги у сыновей семейства составлял одну из статей постановления от 18 ноября 1780 года; но, если только букинист не оказывался замешанным в покупке краденых книг, полиция редко придавала большое значение надзору за нарушениями этого постановления.

Одна полицейская мера, исходившая из кабинета г-на Манжена и получившая с его подачи одобрение правительства, закреплённое королевским указом от 18 октября 1829 года об осуществлении мясницкого ремесла в Париже, вызвала публичный спор о злоупотреблении властью, которое усматривали в этом постановлении префекта. Первая статья предписывала, чтобы число лиц, которым дозволяется заниматься мясницким ремеслом в Париже, было и оставалось равным 400; затем число мясных торговых мест также ограничивалось 400, и после достижения этого числа запрещалось открывать новые.

Прочие статьи постановления были направлены на исполнение этих предписаний. Возражения были многочисленны, жалобы на подобные запреты — горьки, а постановление выполнялось лишь отчасти или плохо. В настоящее время (август 1830 года) оно совершенно вышло из употребления.

Установить число парижских мясников в четыреста было поступком легкомысленным и непредусмотрительным, и этот предел послужил поводом обвинить постановление г-на Манжена в невежестве и произволе; газеты подняли крик, появилось несколько статей с нападениями на префекта; только уже утвердившиеся мясники нашли весьма хорошим распоряжение, дававшее им своего рода привилегию или, по меньшей мере, возможность весьма выгодно продать своё заведение.

Перейдём к нашему предмету. Постановление от 24 октября 1829 года о водоносах возобновило некоторые полезные старые правила; но странным и мало достойным полиции г-на Манжена показалось то, что статьёй 13 он запретил водносам, развозящим воду в бочках, поручать управление своими повозками кому-либо, кроме лиц, имеющих полицейскую карточку благонадёжности или разрешение на проживание и расчётную книжку, выданные полицейской префектурой. Подобные стеснения лишь делают полицию тягостной и ненавистой народу; они весьма мало, если вообще сколько-нибудь, способствуют безопасности (1).

(1) Несомненно, в силу распространения действия этого постановления одного водноса, развозившего воду в бочке и вызванного в полицию за небольшое нарушение, попросили предъявить разрешение на проживание. «Но, господа, — отвечал он, — я уже двадцать лет живу на одной и той же улице, служу там консьержем; у меня трое детей, из которых одна дочь замужем, — вот моё разрешение на проживание».

Подметание улиц составляло предмет особой заботы г-на Манжена; при г-не де Беллеме оно уже стало производиться исправно, а при г-не Манжене улучшилось ещё более, поскольку своим постановлением от 24 октября 1829 года тот вновь привёл в полное действие постановление 1827 года.

Поскольку расширение Парижа и потребление разного рода товаров вызвали устройство новых фуражных рынков в предместье Сент-Антуан, на бульваре д'Анфер и в предместье Сен-Мартен, префект постановлением от 30 октября 1829 года урегулировал порядок продаж и покупок, плату за места и правила размещения повозок; всё здесь, по-видимому, предусмотрено и разумно согласовано. Известно, что наблюдение за рынками составляет одну из важнейших забот муниципальной власти.

Поступали жалобы, и вполне справедливые, на шум, который производят работники тяжёлых ремёсел — колёсники, кузнецы и плотники, — затягивая свою работу до поздней ночи; постановлением от 31 октября 1829 года он предписал, чтобы такие работы производились только с четырёх часов утра до девяти часов вечера с 1 апреля по 30 сентября и с пяти часов утра до девяти часов вечера с 1 октября по 31 марта. Особой статьёй он запретил назойливый шум, производимый игрой на охотничьих рожках и трубах, в те же часы, что указаны выше; запрет весьма разумный, ибо ничто так не утомляет целый квартал, как звуки рожка или других громких инструментов, раздававшиеся прежде во многих местах Парижа нередко до часу ночи.

Купания в реке и школы плавания каждое лето вновь привлекают внимание полиции с точки зрения приличия и безопасности; постановлением от 28 апреля 1830 года к прежним правилам были добавлены новые, чтобы предотвращать несчастные случаи и распущенность некоторых лиц, позволявших себе появляться обнажёнными перед публикой; за этим наблюдали жандармы, исполнявшие надзор со всей тщательностью.

Количество собак, живущих в Париже, и недостаточная забота, которую нередко проявляют о них хозяева, издавна побуждали власти обращать внимание на предупреждение печальных последствий бродяжничества этих животных. Были предписаны меры, согласно которым

собак, найденных без намордников бродящими по улицам, особенно ночью, следовало умерщвлять ядом.

Передвижные торговые лотки и лавочки вдоль улиц, на набережных и мостах привлекли внимание полиции, чтобы своей многочисленностью и создаваемыми препятствиями они не затрудняли движения и не вызывали несчастных случаев. Этой цели служило постановление от 19 июня 1830 года, в котором префект напомнил обо всём, что предписывалось по этому поводу, и можно сказать, что с того времени улицы стали столь же свободны для движения, сколь уже примерно столько же времени содержались в чистоте. Впрочем, в последнее время заметна некоторая небрежность.

К этим подробностям о муниципальной полиции Парижа и о том, что сделал г-н Манжен для поддержания её в хорошем состоянии, я мог бы прибавить ещё некоторые сведения, дающие представление о прочих заботах, с которыми этот магистрат исполнял свои обязанности; в этом отношении оставалось желать совсем немногого, когда великие события, политическое потрясение, какого Франция до той поры ещё не знала, заставили префекта покинуть свой пост и укрыться от негодования или мести огромной массы населения. Эти дни слишком торжественны и слишком знаменательны, чтобы я взялся описать их в столь тесных пределах, какие остаются мне здесь.

Г-н Манжен был временно заменён г-ном Баву, профессором права и депутатом, а окончательно — г-ном Жиро, депутатом от департамента Эн, о котором я расскажу ниже.

ГЛАВА LXXXIV

1 АВГУСТА 1830 ГОДА —

Г-н Жиро де л'Эн, советник Королевского суда, одиннадцатый префект полиции.

Никогда удивление в столице не было столь велико, как в тот день, 26 июля 1830 года, когда огромное население этой столицы прочло в номере «Монитёра» за этот день доклад королю, подписанный всеми министрами, и ряд королевских ордонансов, вносивших значительные изменения в несколько статей Хартии и упразднявших свободу печати.

Это неожиданное нововведение сначала повергло умы в смятение; но вскоре уныние сменилось раздражением и твёрдым намерением воспротивиться исполнению приказов двора. Образовались вооружённые группы, и линейные войска, приступившие к их рассеянию, подверглись нападению народа. За различные посты шла борьба, их захватывали и вновь отбивали; ружейная и артиллерийская стрельба не прекращалась 27, 28 и 29 июля. Королевская гвардия, кирасиры, гусары, швейцарцы сложили оружие и удалились из Парижа, за исключением довольно значительного числа тех, кто остался в рядах народа, сторону которого они приняли. Между тем Национальная гвардия образовалась сама собой как ради охраны собственности, так и для пресечения разбоя, уже начавшего проявляться среди низших слоёв народа. Лувр и Тюильрийский дворец были заняты народом вопреки мужественным усилиям, приложенным для их обороны королевской гвардией и линейными войсками. Король и двор находились в это время в Сен-Клу. Их заставили поверить, что при первом же ружейном или пушечном залпе парижане разбегутся во все стороны; они увидели обратное. Бои продолжались три дня, и почти две тысячи человек погибли в этих кровавых схватках. Мы были свидетелями этих сцен и тревоги, в которой они держали семьи, многие члены которых находились на поле боя, подвергаясь всем опасностям подобной борьбы.

Париж находился в состоянии настоящей анархии, простонародье распоряжалось столицей в большей степени, чем видные горожане. Произошло несколько разграблений, в частности архиепископского дворца; дерзость дошла до совершения краж даже в самой церкви; но эти бесчинства вскоре были пресечены Национальной гвардией, образовавшейся, как я уже говорил, стихийно и возвратившей гражданам безопасность.

Однако потребность в центральной власти привела к образованию в Ратуше муниципальной комиссии, которая издала несколько воззваний в целях поддержания порядка и приняла соответствующие меры. В её состав вошли господа Жак Лаффит, Лобо, Одри де Пюираво, Моген и Шонен. Генерал Лафайет был в то же время назначен командующим Национальной гвардией; все эти события происходили с 27 по 31 июля.

За это время двор переехал из Сен-Клу в Рамбуйе; заподозрили, что у него имеются какие-то враждебные намерения, и сорок тысяч человек всех сословий, более или менее хорошо вооружённых, отправились туда, чтобы получить гарантии и заверения на этот счёт. Во время того же похода вернули бриллианты короны, которые король увёз с собой. Этот день стал последним днём больших тревог, и, поскольку образовалось временное правительство, а герцог Орлеанский был назначен генерал-лейтенантом королевства, в Париж вернулось спокойствие; заставы были открыты и торговля возобновилась, когда 3 августа состоялось собрание палат и герцог Орлеанский двумя днями позже был признан этими же палатами королём французов.

Таковы были обстоятельства, при которых г-н Жиро де л'Эн, советник Королевского суда, был назначен 1 августа 1830 года префектом полиции герцогом Орлеанским, являвшимся тогда генерал-лейтенантом королевства. Поскольку политические взгляды и поведение многочисленных государственных должностных лиц, назначенных по этому случаю, существенно различались, я подробнее расскажу о взглядах и поведении г-на Жиро, чем сделал это в отношении других; столь внезапная перемена, какой тогда стали свидетелями, возможно, требовала, чтобы новые власти проявляли при выборе назначаемых лиц такую осмотрительность, которая могла бы оградить их от фракций и новых раздоров.

Родившийся в Жексе, департамент Эн, в 1755 году, г-н Жиро до революции и после неё занимал в своём департаменте несколько общественных должностей, в том числе должность мэра родного города. Заключённый в тюрьму во время Террора, он после 9 термидора был возвращён к муниципальным обязанностям, что причислило его к тем, кто ненавидит революционные крайности и дорожит свободой. Призванный последовательно в Совет старейшин и Совет пятисот, он обнаружил там умеренные взгляды; при консульском правлении он был призван в Законодательный корпус, председателем которого являлся в VIII году; наконец, два департамента, Эн и Леман, избрали его кандидатом в Сенат; пожалованный Наполеоном титулом барона Империи, он тем не менее в 1814 году проголосовал за низложение монарха, когда события привели к этому поразительному исходу одного из самых блестящих царствований, прославивших Францию.

Столь многочисленные свидетельства отличия и способностей должны были побудить принца остановить на нём свой выбор для столь важной и деликатной должности, как должность префекта полиции, особенно в подобный момент.

В тот момент, когда я пишу, спустя шесть дней после его назначения, ещё нельзя судить о его системе управления; его прежнее поведение даёт основания полагать, что она будет умеренной и далёкой от инквизиторских приёмов, в которых упрекали нескольких его предшественников. Впрочем, я ещё вернусь к этому в другой главе настоящего труда. Но я не должен упустить здесь один характерный поступок г-на Жиро де л'Эна, которому следовало бы подражать его преемникам и, быть может, всем государственным должностным лицам, вступающим в должность.

В префектуре полиции установился обычай, по которому на следующий день или через день после вступления префекта в должность он собирает всех служащих внешней и внутренней служб своего управления, чтобы сообщить им то, что сочтёт нужным до них довести. Г-н Жиро воспользовался этим случаем, чтобы явить доказательство своей откровенности и прямоты, делающее ему честь. «Господа, — сказал он им, — я не намерен производить больших перемен среди служащих моего управления; но я откровенно объявляю вам, что среди вас есть

такие-то и такие-то господа, которых я не могу оставить на службе; я предлагаю им избрать другое поприще; этим я оказываю им услугу, не оставляя их в ложной уверенности в своём положении (1)».

(1) Здесь г-н Жак Пёше завершил свой важный труд о полиции. Предчувствие близкой смерти, о котором он сообщил в одной из своих последних столь странных, столь необычных заметок, охватило его, когда он заканчивал свою столь поучительную и разнообразную книгу. Вся остальная часть этого тома наполнена анекдотами, собранными в огромном портфеле, оставленном этим литератором. Это будет далеко не наименее любопытная, не наименее занимательная часть этого сочинения, о котором уж, конечно, не скажут, что оно составлено по другим книгам. Здесь черпали из первоисточников, и публика своим живым интересом доказала, насколько высоко она ценила это столь новое произведение. (Примечание издателей.)

ГЛАВА LXXXV

Аудиторы при префектуре полиции. — Учреждение должностей аудиторов при префектуре полиции. — Постановление от 21 января 1810 года. — Их обязанности и порядок прохождения ими службы в префектуре. — Порядок их назначения для исполнения обязанностей в каждом квартале. — Их жалованье. — Размышление об их пользе для тюремной службы. — Прекращение их деятельности.

На учреждение должностей аудиторов при различных административных ведомствах начали жаловаться довольно рано; мне не следует обсуждать здесь этот вопрос, о котором я говорю в другом месте, и я ограничусь напоминанием о том, что было сделано в префектуре полиции в отношении назначенных туда аудиторов.

Императорским декретом от 21 января 1810 года были учреждены должности аудиторов при министерстве общей полиции и префектуре полиции.

Раздел II этого постановления предписывает в отношении последних, которых было четверо, «что лица, арестованные по распоряжению префекта полиции или доставленные в префектуру, если их не допросит сам префект, могут быть допрошены аудитором, которого он назначит для этой цели.

«Когда допрос будет производить сам префект, аудитор должен вести запись.

«Доклады относительно лиц, доставленных в префектуру полиции или содержащихся там под стражей, могут составляться одним из аудиторов, назначенным префектом.

«Решения префекта должны ежедневно заноситься аудитором в предназначенный для этого реестр, в конце которого будет находиться алфавитный указатель лиц, в отношении которых приняты решения.

«В течение квартала, когда ему будет поручено ведение этого реестра, аудитор должен получать именные списки заключённых и каждое утро посещать общие или отдельные помещения для содержания задержанных, имеющиеся в префектуре: 1° чтобы удостовериться, что все лица будут допрошены в течение двадцати четырёх часов, и докладывать об этом префекту; 2° чтобы принимать заявления или жалобы задержанных и доводить их до сведения префекта для принятия надлежащих мер; 3° чтобы наблюдать за скорым исполнением распоряжений, которые будут отданы об освобождении, передаче судебной или военной полиции, продлении содержания под стражей или переводе лиц, в отношении которых префект вынес решение.

«Осмотр тюрем, домов временного содержания, арестных домов и мест заключения, насколько это входит в ведение префекта полиции, должен производиться по меньшей мере раз в месяц одним из аудиторов, назначенных префектом.

«Аудитор, назначенный префектом, должен каждый месяц совершать особый осмотр депо Сен-Дени и депо Виллер-Котре.

«Для этой цели ему должен вручаться именной список всех заключённых с указанием причин их содержания под стражей и власти, распорядившейся о нём, чтобы он мог удосто-

вериться, что никто не заключён под стражу или не удерживается в заключении произвольно и что никто не подвергается несправедливостям или притеснениям под предлогом бродяжничества.

«Подобный осмотр должен производиться с соблюдением тех же формальностей и с той же целью в заведениях Сен-Лазар, Бисетр, Шарантон, в отделении для умалишённых, в Сальпетриере и в лечебных заведениях, разрешённых полицией.

«В этих заведениях аудитор должен удостоверяться в положении лиц, содержащихся под стражей по причине умопомешательства, чтобы гарантировать, что никакой предлог не используется для прикрытия произвольных заключений.

«О каждом таком осмотре аудитор должен составлять, отдельно по каждому заведению, протокол о фактах, которые сочтёт необходимым представить вниманию префекта, как относящихся к материальному состоянию заведения, так и касающихся людей, подобно тому как он должен поступать при таких же осмотрах во всех прочих местах заключения или тюрьмах.

«Во время этих осмотров аудитор может взять с собой офицера охраны общественного порядка, или адъютанта Парижской гвардии, или офицера жандармерии, которого он потребует для этой цели.

«На одного из аудиторов также возлагается надзор за паспортным бюро, взиманием платы за выдачу паспортов и ведением бухгалтерских реестров этой платы».

Согласно второму разделу этого постановления, аудиторы, прикомандированные к префектуре, за исключением двух, на которых были возложены вышеуказанные обязанности, могли поочерёдно и попеременно привлекаться к надзору за всеми прочими отраслями деятельности, относящимися к ведению префекта по вопросам муниципальной полиции.

Ежедневно один из аудиторов, прикомандированных к префектуре полиции, должен был находиться в указанном ему префектом месте с девяти часов утра до полудня, чтобы принимать и выслушивать всех тех, кто не мог получить аудиенцию у префекта.

Каждый из четырёх аудиторов получал жалованье в шесть тысяч франков, выплачивавшееся отчасти из средств министерства и префектуры полиции.

Должности аудиторов при министерствах и отделениях Государственного совета были учреждены постановлением правительства от 19 жерминаля II года, но для министерства полиции никто из них назначен не был; этот пробел был восполнен императорским декретом от 21 января 1810 года.

В силу этого декрета префект полиции выбирал из списка аудиторов, учреждённых при министерстве юстиции и префектуре полиции, тех, кто должен был в числе четырёх человек исполнять в течение каждого квартала обязанности, возложенные на них декретом от 21 января.

Это учреждение, которое могло принести полезные результаты, особенно в полиции, вызвало жалобы со стороны руководителей ведомств, префектов и генеральных директоров; аудиторы были упразднены. Утверждали, что они мешали ходу дел, стесняли служащих и создавали затруднения, чтобы производить впечатление людей полезных. Возможно, некоторые из этих возражений имели под собой основание; но аудиторы, в особенности те, кому были поручены надзор и осмотр арестных домов, мест содержания под стражей и тюрем, могли приносить только величайшую пользу заключённым и лицам, обвиняемым в каком-либо правонарушении.

Теперь их обязанности исполняют инспектор тюрем и его помощник, а также два комиссара, производящие допросы лиц, арестованных и доставленных в префектуру полиции. Быть может, подобные обязанности находились в лучших руках, когда их исполняли должностные лица вроде аудиторов, как с точки зрения справедливости, так и с точки зрения ответственности перед префектом.

Сначала, в 1811 году, назначили только двух аудиторов, господ де Феске и Годфруа. Первый, родом из Монпелье, был сыном советника Палаты налоговых дел.

В 1812 году оба этих господина перешли на другую службу; г-н Годфруа был прикомандирован к Главному управлению продовольствия. Тогда же их сменили господа Деруа и Дюрье: они оставались в префектуре полиции до падения императорского правительства 3 апреля 1814 года. После того как Людовик XVIII упразднил должности аудиторов, эти господа обратились к другому поприщу.

ГЛАВА LXXXVI

Общественные бильярдные.

Надзор за ними составляет одну из особых забот полиции. В самом деле, это места собраний, которые предпочитают посещать люди всех сословий, а слишком часто также мошенники, бродяги и дурные люди. Долгое время существовала даже особая разновидность плутов, известных под названием флуёров, которые постоянно посещали эти заведения и обманывали там простаков, заключая пари за игроков или против них, причём сами игроки также были флуёрами или сообщниками флуёров. Рассказывая об управлении г-на Англеса, я уже говорил о мерах, которые этот префект счёл возможным принять против подобных людей, и о том, сколь малого успеха он ими добился.

Считалось, что право содержать бильярдные должно зависеть от полиции, и в течение долгого времени она с большой неохотой выдавала на это разрешения. Правила и принципы, которых она придерживалась в этом отношении, изложены в следующей записке. Но впоследствии от этой строгости во многом отступили как потому, что поняли, что общественные бильярдные, помимо возможности надзирать за ними, предоставляют полиции средства направлять свои розыски, так и потому, что заметили, что затруднения с открытием бильярдных и стремление по возможности ограничить их число наносили ущерб весьма доходной отрасли парижской промышленности — изготовлению бильярдных столов, которое даёт работу и заработок различным категориям рабочих.

Записка об общественных бильярдных, представленная г-ну префекту, графу Англесу.

«До революции право содержать бильярдные было привилегией, предоставленной исключительно *владельцам бильярдных и залов для игры в жё-де-пом* (1). У них были свои уставы и правила, утверждённые королевскими жалованными грамотами; первоначально их не насчитывалось и ста двадцати, но в 1789 году в Париже их было уже двести. Первые уставы относились к 1610 году (при Людовике XIII). Таким образом, за сто восемьдесят лет число общественных бильярдных увеличилось всего на восемьдесят. Теперь можно будет судить, насколько велик был этот прирост за истекшие с тех пор двадцать пять лет. Следует заметить, что все двести бильярдных находились в Париже и что в окрестных селениях не было ни одной.

«В 1812 году была произведена общая перепись бильярдных как в Париже, так и в окрестных коммунах; в результате насчитали пятьсот пятьдесят бильярдных в Париже и двести две в окрестностях. Всего семьсот пятьдесят две.

(1) См. полицейский словарь Дезессара, статья «Бильярд».

«Имелось множество доказательств того, что столь прискорбное обилие бильярдных породило особый род мошенничества, ставший ещё одним бедствием для общества. Целая шайка людей сделала своим промыслом заманивание простаков в бильярдные, где эти люди знали, что находятся в наибольшей безопасности, и там, можно сказать, обирали своих жертв. Таким путём они выманивали у них суммы от одного луидора до пяти или шести тысяч франков. Эти мошенники довели свой промысел до того, что организовались в шайки по четыре или пять человек; так что даже и теперь (ноябрь 1815 года), когда арестовывают одного из них, известно, к какой шайке он принадлежит. Из двадцати самых известных три четверти побы-

вали в Бисетре по три, четыре и пять раз; почти все были высланы из Парижа и неизменно нарушали отданные им предписания.

«Было настоятельно необходимо поставить все эти бильярдные под надзор полиции, и в прежних постановлениях Совета и парламента отыскивали то, что могло послужить основанием для нового распоряжения. Оно было издано префектом полиции г-ном Паскье 6 ноября 1812 года; однако содержащимся в нём мерам, направленным на сокращение числа существовавших бильярдных, не была придана обратная сила. Все они были признаны, но ни одна не могла существовать без разрешения.

«Это распоряжение принесло большую пользу: оно не только положило конец непрерывно множившимся прошениям, но и позволило надеяться, что число бильярдных станет уменьшаться, а не расти, и действительно, новая перепись, проведённая в 1814 году, уже показала уменьшение на тридцать.

«К этому преимуществу, менее незначительному, чем можно было бы заключить из самой цифры, присоединилось другое, действительно важное, а именно то, что за эти два года в бильярдных почти перестали совершаться мошенничества.

«С тех пор важные обстоятельства вынудили изменить принятые правила, и главная намеченная цель — сокращение числа бильярдных заведений — вновь отдалилась. После 30 марта 1814 года торговля, в особенности продажа напитков и других предметов потребления в кафе, претерпела большие перемены. Многие содержатели кафе сочли, что смогут удержаться на плаву лишь в том случае, если бильярдный стол в их кафе будет привлекать посетителей. Многие задумали открыть заведение исключительно ради того, чтобы иметь в нём бильярд. Число прошений умножилось; каждый ссылался на потери, причинённые ему событиями. Такое положение стало предметом доклада графу де Беньо, занимавшему тогда должность директора общей полиции королевства. Удовлетворять те прошения, в которых совершенно невозможно было отказать, но во всём остальном неизменно сохранять принципы, предписания и цель распоряжения от 6 ноября 1812 года — таково было среднее решение, которое сочли осуществимым и которое г-н Беньо принял на основании доклада от 29 июня 1814 года, причём тридцать бильярдных из пятисот пятидесяти, ранее прекративших существование, были заменены другими; впоследствии выдали ещё приблизительно такое же число разрешений. Таким образом, было утрачено больше позиций, чем первоначально удалось завоевать.

«Наконец, поскольку события этого года повлекли за собой новые перемены в имущественном положении людей, а увлечение бильярдом внушило множеству лиц мысль извлечь выгоду из доходов, которые можно было бы от него получать, число прошений возросло до невероятной степени; простейших замечаний оказывалось достаточно, чтобы отговорить просителей. Торговцы самых разных разрядов желали превратить часть своих помещений в бильярдные залы; военные, не состоявшие на действительной службе, снимали помещения, чтобы держать там бильярд, содержатели меблированных комнат просили разрешения поставить бильярд для удовольствия своих жильцов и так далее, и так далее. Каждый выставял в оправдание понесённые потери, новые тяготы, грозившее ему полное разорение. Отказывая, приходилось проявлять всю деликатность, какой заслуживает несчастье; по мере возможности стремились поставить преграду этому потоку.

«Впрочем, столь большое число прошений заставляет думать, что без разрешения было открыто не так уж много бильярдных. При представлении предложений об удовлетворении того или иного прошения приходилось принимать во внимание настоятельные требования, вытекавшие из нынешнего положения торговли; приходилось считать, что, откладывая строгое осуществление системы сокращения бильярдных до более благоприятных обстоятельств, необходимо пока предоставить некоторые послабления, и есть основания полагать, в качестве противовеса, что, когда торговля вообще вернётся к своему естественному течению, большинство этих бильярдных, постепенно оставленных посетителями, исчезнут сами собой».

Автор только что прочитанной записки сильно ошибся в своём предвидении, ибо со времени её составления эта отрасль промышленности развилась с большей силой, чем когда-либо, как я уже отмечал выше.

Но вот условия, которым подчиняли прошения об открытии бильярдных. В благонадёжности просителя удостоверяются по свидетельствам полицейского комиссара или по заслуживающим доверия отзывам; с полицейским комиссаром советуется также о пригодности помещения. По возможности избегают разрешать бильярдную в слишком близком соседстве с подобным заведением. Рассматривают, сколько бильярдных уже имеется в квартале, где намереваются открыть новое заведение, и может ли иметь последствия разрешение ещё одной. Ни одному торговцу вином или водкой такого разрешения не дают. Наконец, бильярд допускается исключительно как дополнение к кафе и никогда без этого условия.

Быть может, читателю будет небезынтересно найти здесь замечания графа Англеса, бывшего тогда префектом полиции, по поводу этой записки.

«Не повторяя уже сказанного о неудобствах чрезмерного количества бильярдных, замечу, что прежде всего следует учитывать опасность разрешать содержать бильярдные лицам подозрительным и запятнавшим себя, которые собирают у себя опасных людей, а в особенности мошенников, известных под названием флуёров. Полиция не может иметь надзирателей повсюду; однако лица, которым предоставляется особое разрешение содержать то или иное заведение, уже в силу одного этого берут на себя обязательство деятельно наблюдать за ним в интересах полиции и становятся в некотором роде ответственными за поведение принимаемых ими посетителей. Поэтому, чтобы побудить их к этому, следует без всякого снисхождения отнимать разрешения у содержателей бильярдных, на которых поступают серьёзные жалобы и в отношении которых имеются обоснованные подозрения в безнравственности».

Изложенные здесь г-ном Англесом принципы в общем совпадают с теми, которыми полиция всегда руководствовалась, выдавая разрешения, подобные разрешениям на содержание бильярдных, и, чтобы привести лишь один пример, я укажу на допускаемые ею послабления и разрешения содержать меблированные комнаты, но довольно об этом предмете, который интересует большинство жителей Парижа не так сильно, как многие другие стороны деятельности полиции, уже рассмотренные мною.

ГЛАВА LXXXVII

О различных полицейских службах Тюильрийского дворца и других подобных службах, существовавших во Франции за пределами этого дворца во время Реставрации.

Во время Реставрации префектура полиции была не единственным местом во Франции, где занимались надзором за гражданами. В одном только Париже можно было насчитать от восьми до десяти полицейских притонов. В Тюильрийском дворце существовало по меньшей мере четыре совершенно различные полицейские службы; одна из них, предназначенная для внутренней службы короля, почти не выходила за пределы дворца: она довольствовалась наблюдением за различными дворцовыми службами и некоторыми привилегированными лицами высшего общества.

Эта полиция, подчинявшаяся, с одной стороны, первому камергеру, была вверена старым слугам, давним эмигрантам, для которых она была делом чувства. Платили им плохо, зато громко превозносили верность их усердия; некоторые даже работали безвозмездно, как настоящие любители.

Этим благородным ремеслом занимались хорошо известные женщины, в том числе и весьма знатные: герцогиня де..., другая герцогиня де..., маркиза де М..., графини де Л..., Т..., де П..., де С..., де Б..., Л.... Среди самых усердных называли виконтессу де Ф... Ф..., которая занималась этим до конца своих дней за сто экю в месяц.

Вторая полиция при жизни Людовика XVIII имела свой центр в павильоне Марсан. Приближенные графа д'Артуа, руководимые г-ном де В..., вели переписку со всеми департаментами Франции. Их корреспондентами были неистовые роялисты из высших слоёв прежних верде, солдат веры или шуанов, люди ничтожные, алчные, завистливые, мстительные, которые из ненависти к своим прежним друзьям, родственникам или соседям-бонапартистам желали бы повесить треть общества. На эту полицию была особо возложена слежка за всеми бывшими чиновниками Империи, за всеми офицерами на половинном жалованье, в отставке, уволенными со службы и даже состоявшими на действительной службе. В этот центр поступали самые странные донесения. Судя по ним, вся Франция была охвачена общим пожаром, а каждый департамент таил в себе зародыши гражданской войны.

Госпожа дофина имела собственную маленькую, скромную полицию, которая держала её в известности о любовных интригах всех служащих дворца, каково бы ни было их положение, не исключая и господ телохранителей. Духовные лица, состоявшие при пожилых знатных дамах, высокопоставленные особы сообщали истории о некоторых крупных сановниках; в тесном кружке по этому поводу сокрушались, а отсюда проистекали те тайные происки во вред людям, источник которых было почти невозможно обнаружить.

Например, герцог Рагузский весьма удивится, когда я сообщу ему, что жестокая сцена, которую устроил ему господин дофин в Сен-Клу во время трёх дней, была вызвана тем, что герцог и герцогиня Ангулемские знали о его любовной связи с остроумной госпожой А...; а муж последней должен приписать тому же источнику то недоброжелательство, которое выказывали ему во дворце в 1830 году.

У господина дофина была отдельная полиция. Она носила исключительно военный характер и раскинула свою обширную сеть по всей армии. В каждом полку имелось по три штатных шпиона: один из числа капитанов, другой из числа лейтенантов; третий, неизменно доброволец, следил за унтер-офицерами и солдатами. Адьютанты, генералы, даже один маршал Франции входили в состав этого ненавистного воинства; что я говорю — один маршал, их было целых трое: все они умерли; да будет им земля пухом!

Один из генералов, доносивший лучше всех, впоследствии получил маршальский жезл; другой же, напротив, стал первым предателем трёх дней. По крайней мере, госпожа дофина смогла высказать ему всё, что о нём думала, в тот момент, когда застала его переходящим на сторону врага.

Ведомство великого раздатчика милостыни также имело свою полицию: она отличалась крайним рвением и была проникнута исключительно религиозным духом. Каждый день составлялись донесения, и получавшие содержание старались отработать свои деньги. Поэтому недостатка не было ни во лжи, ни в правде.

Я не удивился бы, если бы и у низших служащих дворца имелась своя совершенно скрытая и таинственная полиция; об этой мне известно меньше; я говорю о ней лишь по умозаключению. Словом, от крыш до погребов всё подвергалось строгому и непрерывному наблюдению.

Но это ещё не всё; у самого дворца в целом были свои надзиратели: три полиции старались проникнуть во всё, что в нём происходило. Одна из них принадлежала исключительно министру-фавориту, будь то Блака, Виллель или Полиньяк. Здесь старались узнавать об интригах, кознях, заговорах и происках, которые могли замыслиться с целью навредить этому важному лицу. Сам король подвергался строгой слежке, осуществлявшейся в интересах его фаворита.

Во главе второй сыскной полиции, надо признать, стояли иезуиты; её задачей было отражать всякую попытку, духовную или светскую, которая могла бы ниспровергнуть зарождавшееся влияние Общества Иисуса. Поверят ли тому, что за шесть лет царствования Карла X предпринимались происки ради основания во Франции доминиканских монастырей? Доминиканцы Испании и Италии подрывали позиции иезуитов; в этот союз вступали кардиналы; и в

то время как мы видели только сынов Лойолы, занявших оборону, им приходилось прилагать немало усилий, чтобы воспрепятствовать проникновению прямых наследников Доминика де Гусмана.

Полиция министерства или префектуры также испытывала желание знать, что происходило в Тюильри. Вследствие этого и у неё были свои особые люди и тайные агенты, пытавшиеся проникнуть в королевские покои.

Довольно любопытное зрелище представляли все эти полиции, действовавшие на одной сцене, старавшиеся скрываться друг от друга и предупреждать действия соперников. Между ними порой возникали весьма острые столкновения и чрезвычайно странные встречи. Наконец, среди столь многочисленных агентов можно было бы считать короля надёжно охраняемым, однако мы увидели, с какой лёгкостью несчастный Карл X был за три дня низвергнут со своего престола.

При штабе парижского гарнизона имелась ещё одна обособленная полиция, специальною которой было наблюдение за военными. Всякий, чьё имя когда-либо значилось в армейских списках, попадал под её негласные и докучливые действия. Там, сидя за столами в пивных, выдумывали заговоры, единственным двигателем которых было табачное опьянение. Эти нелепости, начинавшиеся перед бутылкой пива и продолжавшиеся за чашей пунша, иногда, к несчастью, заканчивались гораздо трагичнее, чем можно было бы ожидать по их ничтожности.

В том положении, в каком ныне находится Франция, никакой военный заговор никогда не увенчается успехом. Прошли времена, когда люди принадлежали одному человеку, когда солдаты были покорными марионетками своих офицеров, когда полковник единолично повелевал, когда маршал Франции мог быть уверен в безусловном повиновении своих подчинённых. Теперь военные знают, что прежде всего они граждане и что только отечество имеет право на их уважение. Национальная же гвардия, в рядах которой они видят своих отцов, братьев и родственников, олицетворяет для них отечество.

Пусть ныне попробуют заставить линейные войска стрелять в Национальную гвардию, выражающую свою волю, своё желание, — ответом на такое святотатственное покушение станет единодушный отказ. При таком положении вещей, поскольку Национальная гвардия, любящая порядок и мир, по самому своему существу монархична, поскольку она с ужасом предвидит возвращение республики, которая, довершив её разорение, пролила бы её кровь, никогда не рассчитывайте на то, что Национальная гвардия окажется готова покровительствовать анархическим действиям.

С теми полицейскими службами, о которых я говорю, смешивались и другие, второстепенные. Поверят ли, что в недрах самой полиции существуют контрполиции, каждую из которых приводит в действие честолюбивый, преданный, пылкий или ловкий служащий? Разве Видок, наконец, и Коко Лакур не имеют до сих пор каждый своей полиции, охватывающей Париж и провинцию?

Именно такая полиция первой проникает в меблированные гостиницы и своими неумелыми расследованиями пятнает честь одних и подрывает кредит других. Мне довелось видеть в префектуре полиции ожесточённую ссору по поводу следующего случая:

Некий содержатель трактира-кондитерской в предместье Сен-Жермен, перебравшийся с улицы Бушера на улицу Сены, имел отцом ревностного республиканца, но человека честного и неподкупного: тот умер. Его сын, воспитанный матерью в самых добрых правилах, придерживался взглядов парижского буржуа — согласия, спокойствия, повиновения законам; к тому же это был добропорядочный человек, уважаемый своими клиентами, любимый и почитаемый соседями; он почтенно жил со своей семьёй, когда один низший агент префектуры полиции, забавляясь просмотром старых полицейских донесений, наткнулся на имя г-на Лак..., отца, и увидел его среди нескольких имён, запятанных якобинством и маратизмом, причём таким упоминанием тот был обязан одному прежнему усердному шпиону (вдобавок своему врагу).

Его преемник вспомнил, что на улице Сены живёт трактирщик с такой же фамилией; он не сопоставляет дат, по своему произволу решает, что это одно и то же лицо, и вот уже обходит лавки на улицах Бушри и Сены в Сен-Жермене под предлогом того, будто у него имеются векселя за подписью Лак... и потому он желает выяснить платёжеспособность своего предполагаемого должника.

Тут начинаются пересуды, сплетни, рассуждения недоброжелательных соседей. — Ах! Значит, он выдаёт векселя! — А почему? — Неужели у него не хватило денег? — Кредита нет! — Значит, дела у него плохи?

И вот человек, прочно устроившийся и платёжеспособный, навсегда погублен дерзким, преступным поступком неумелого полицейского агента! Между тем г-на Лак... предупреждают. Тот принимает верное решение, берёт с собой сопровождающего, бросается вслед за негодяем и находит его за расспросами другого торговца. Г-н Лак... набрасывается на него, задерживает и ведёт к полицейскому комиссару квартала.

Этот чиновник приходит в ярость от скандала и оттого, что полиция оказалась скомпрометирована. Думаете, он удовлетворит справедливые требования столь тяжко оскорблённого горожанина..? Ничуть не бывало; происходит прямо противоположное: виновному дают бежать, невиновного же сурово отчитывают и объявляют якобинцем, как его отец, единственно потому, что он не согласился, ради избавления полиции от неприятности, позволить какому-то состоящему при ней негодю погубить его репутацию. Этот пример поразителен. Каждый день он повторяется. Всякий, кто становится предметом полицейских расследований, должен с этого самого момента ожидать тысячи обид, столь же несправедливых, сколь и нелепых, если он попытается добиться возмещения за поступки, которые допустил по отношению к нему провинившийся агент полиции.

ГЛАВА LXXXVIII

Важные разоблачения молодого рабочего, предшествовавшие преступлению Лувеля. — Рассказ о мерах против прислуги, принятых Савари. — Покровительство, оказывавшееся г-ном Деказом всем либеральным заговорщикам. — Биографии нескольких шпионов. — С.....с у г-на де Ж... — Де К..., шпион, следивший за депутатами. — Случай с ним. — Барон де В.... — Благородное поведение его жены. — Виконтесса де Ф.... — Маркиза де Бул.... — Первый случай. — Второй случай с маркизой де Бул.... — Гром, дьявол, чёрный кот. — Баронесса де В.... Г.... — Любопытные и новые подробности.

Граф Англес был префектом полиции, когда один рабочий лет восемнадцати явился во двор префектуры полиции на набережной Орфевр и стал настойчиво требовать, чтобы ему позволили поговорить с его сиятельством. По обыкновению бедному парню рассмеялись в лицо. Его сиятельство таких посетителей не принимает; пусть молодой человек сообщит то, что хочет сказать, служащему префектуры, и, если окажется необходимым, об этом доложат префекту.

Незнакомец хранит полное молчание: его ведут к г-ну Пиису, который напрасно тратит время на расспросы. Однако молодого человека не прогоняют. Полиция не похожа на иное министерство, где целый месяц подряд выставляли бы за дверь всякого, кто без разрешения на аудиенцию упорно добивался бы личного свидания с начальником. Здесь, напротив, настойчивостью можно добиться всего, и это правильно.

Узнав об упорстве рабочего, граф Англес велит привести его к себе. И вот незнакомец с глазу на глаз с высоким сановником, который приступает к допросу по всей форме. — Ваше имя? — Теодор Клернель. — Ваш возраст? — Девятнадцать лет без одиннадцати дней. — Откуда вы родом? — Из Парижа. — Ваше ремесло? — Краснодеревщик. — Зачем вы сюда пришли? — Сделать важное сообщение; я желаю, чтобы его представили королю.

Тогда зовут секретаря, и он записывает стенографически следующее показание, которое позднее переписал обычным письмом и которое молодой Клернель одобрил. Оно было составлено в следующих выражениях.

«Год назад, прогуливаясь вечером в Пале-Рояле, я увидел очень красивую девушку, которая ходила взад и вперед, держа на руках ребёнка. Сначала я принял её за няню. Она скоро заметила, какое впечатление произвела на меня, и тогда присела на скамью; я поспешил занять место рядом с нею. Завязался разговор; она призналась мне, что работает кружевницей и очень бедствует, что единственное её удовольствие — прогулки и что, поскольку ей не с кем гулять, она берёт с собой сына соседки. Этот ребёнок служит ей охраной и не даёт смешивать её с женщинами дурного поведения.

«Всё это показалось мне правдоподобным. Я попросил позволения сопровождать девушку; она взяла меня под руку, и мы вышли из сада. Дойдя до порога её дома, я получил разрешение прийти за ней на следующий день (это было воскресенье осенью 1819 года), чтобы повести её в Тюильри.

«Я явился на свидание точно в срок. Пробыло пять часов, когда я, одетый в свой лучший костюм, предстал перед новой подругой; она была не одна: я застал у неё пожилого мужчину, хорошо одетого, но с малопривлекательным лицом. Как только я вошёл, он поклонился и удалился. Мадемуазель Теоделинда Ларивьер сказала мне, что этот господин, большой друг её отца, человек очень влиятельный и устраивает судьбу всех, кого берёт под своё покровительство. Я ничего не ответил. На этом разговор закончился, и мы вышли.

«В Тюильри к нам подошли двое молодых людей, довольно хорошо одетых и увешанных драгоценностями. Моя спутница назвала одного из них своим кузеном, а другого, казалось, вовсе не знала; обменявшись несколькими непринуждёнными словами, они ушли. Когда мы остались одни, Теоделинда снова заговорила и рассказала мне, что её кузен Онезим Лепренс занимает прекрасную должность, которой обязан благосклонности того самого господина, которого мы видели прежде.

«Так беседуя, мы дошли до Елисейских Полей. Случай или, скорее, заранее назначенная встреча вновь свели нас с пожилым господином. Он приветливо поздоровался и, пригласив нас немного подкрепиться, отвёл в ближайший загородный трактир, где заказал превосходное угощение.

«Мы разговаривали и танцевали; моя спутница, к которой присоединился кузен, часто веселилась без меня, а я оставался с нашим хозяином. Здесь началось искусно ведённое соблазнение; мне заговорили о союзе высокопоставленных лиц, объединившихся, чтобы вручить корону принцу, дорогому народу; эти влиятельные люди вербовали молодых людей храбрых, хладнокровных и умеющих хранить тайну; мне обещали, если я соглашусь вступить в их шайку, содержание в сто франков ежемесячно на первый год. В каждый следующий год это содержание должно было увеличиваться на шестьсот франков в год, пока не достигнет пятисот франков в месяц.

«Кроме того, мне обещали не забыть и мою возлюбленную, если она у меня есть; а поскольку знали, что её у меня нет, мне предложили сделать ею Теоделинду. Нужда, невежество, моя зарождавшаяся любовь к девушке, которую мне предлагали и которая, казалось, сама себя предлагала, — всё, вплоть до выпитого мною вина, соединилось, чтобы погубить меня. Я согласился, связал себя ужасными клятвами; я обрёк своё тело мести сообщников, а душу — дьяволу, если когда-нибудь предам общество, членом которого становился.

«Девушка опьянила меня ласками, и мне казалось, что я схожу с ума от счастья; постепенно меня посвятили в заговор и раскрыли передо мной все его тайны; наконец я узнал, что главным действием должно стать принесение в жертву герцога Беррийского и что тому, кто возьмётся за это великое дело, обеспечат пять миллионов.

«Хотя я испытывал ужас перед этим преступлением, я не обнаружил своих сокровенных чувств, ограничившись восклицанием о трудности осуществления столь опасного предприятия; на это ничего не ответили, и разговор переменял предмет.

«Но с этого самого дня старик, соблазнивший меня, моя любовница, её кузен, её брат стали преследовать меня с неистовством демонов. Теоделинда без конца говорила о том, какое блестящее положение займёт в свете, если мы с нею завладеем огромным состоянием, обещанным убийце герцога. Меня толкали, торопили, увлекали, на каждое моё возражение находился ответ; я непременно нанесу верный удар, у меня будет многочисленный отряд сообщников, который прикроет моё бегство; кроме того, через двадцать четыре часа весь Париж восстанет, королевская семья будет изгнана, а меня повезут на триумфальной колеснице. Тот, чьим интересам я таким образом послужу, навсегда сохранит ко мне благодарность. Кто же это был? Его имени мне так никогда и не называли.

«Признаюсь вам, ваше сиятельство, что, пребывая в невежестве, получив дурное воспитание и не имея никаких религиозных начал, с раннего детства осиротев и живя общественным милосердием, я едва ли умел различать справедливое и несправедливое; потому и колебался в нерешительности, то одобряя и принимая это поручение, то с ужасом отвергая его.

«Однажды вечером, когда я возвращался один и довольно поздно с таинственного собрания, состоявшегося в заброшенной каменоломне, заблудившись и идя куда попало, я провалился в довольно глубокую яму и от боли лишился чувств.

«Придя в себя, я очутился в просторной комнате, обставленной с необыкновенной роскошью. Перед кроватью, на которой я лежал, стоял пожилой человек, одетый как вельможа, с двумя «плевками» (1) на груди. Возле него находился совсем молодой, но хрупкий и бледный священнослужитель, по виду святой человек.

«— Ну что ж, дорогой аббат, — сказал хозяин дома, — вот и ещё одно ваше доброе дело совершено; этот юноша спасён.

«Я находился у герцога де К..., самого достойного вельможи при дворе. Обо мне продолжали всячески заботиться. Пятнадцать дней я провёл в доме, где все были роялистами; там обожали Бурбонов, превозносили их добродетели, добрые дела и благодеяния.

(1) Во Франции буржуазия, особенно до революции, называла «плевком» всякую орденскую звезду, постоянно прикреплённую к одежде.

«Молодой священник, возвращаясь после посещения больного, нашёл меня лежащим на дне ямы, спустился туда, поднял меня и с большим трудом устроил так, чтобы меня перенесли в дом герцога.

«С этого мгновения он привязался ко мне и взялся обратить меня на путь истинный, не подозревая об ужасном преступлении, которое я замышлял и от которого он меня должен был отвлечь. Благодаря этому достойному священнику я возвратился к лучшим чувствам; меня трогало мягкое нравственное учение, которое он мне проповедовал, и тогда я понял, какая существует разница между истинной добродетелью и лицемерием.

«Наконец, вполне уяснив, как мне надлежит поступить, я вчера решил порвать со своими настоящими врагами, с негодяями, желавшими сделать из меня убийцу, и, не сообщив об этом честному священнику, обратившему меня к добру, пришёл сюда, ваше сиятельство, с намерением доверить вам то, что вы только что услышали».

После этого молодой человек, завершая своё разоблачение, сообщил префекту полиции всё, что узнал о заговоре; указал места собраний, описал приметы действующих лиц; словом, не утаил ничего из того, что знал об отвратительных происках.

Когда допрос окончился и он уже собирался уйти, граф Англес сказал ему, что оказанная им услуга заслуживает вознаграждения; что, кроме того, потребуется запросить у него дополнительные сведения и что поэтому его просят остаться до следующего утра в здании префектуры.

Бедный парень, не усматривая в этом ничего дурного, покорился тому, чего от него хотели. Его отвели в довольно прилично меблированную комнату, но с решётками на окнах, дверь которой заперли снаружи на засов. Там ему предложили поесть, а позднее он погрузился в тяжёлый, глубокий сон. Между тем префект со всей поспешностью отправился к г-ну Деказу, который, в свою очередь, немедленно вызвал нескольких лиц и вступил с ними в тайное совещание. Словом, заговор этот, без сомнения, был расстроен, и следует полагать, что совершённое Лувелем убийство не имело к нему отношения, поскольку одновременно не удалось предупредить и это преступление.

Что касается Теодора Клернеля, то с того самого дня след его навсегда затерялся. Напрасно молодой священнослужитель, которому, к несчастью, Клернель ничего не сказал о своём намерении сделать разоблачение, искал его сам и поручал искать повсюду: Клернеля найти не смогли. Лишь однажды священник услышал, будто один молодой плут, в котором он предположил несчастного Клернеля, обманувший полицию ложными показаниями, был сурово наказан и без суда изгнан из королевства.

Среди отдельных происшествий, которые, по-видимому, послужили основанием для суровых мер герцога Ровиго против сословия домашней прислуги, одно, найденное мною в архивах, представляется достойным упоминания. Оно показывает, что если у полиции имеется своя организация, то и у преступников есть собственная, и тем более опасная, что они нередко умеют пользоваться ею против общества даже из глубины своей тюрьмы. Г-н Дирте де Лафайоль, богатый холостяк, наследник колониста с Иль-де-Франс, жил на улице Бак близ Сен-Томас-д'Акен. Помимо богатства звонкой монетой, он владел прекрасными фермами в Шампани и значительными суммами, записанными в Государственной долговой книге. Его великолепную галерею венецианской живописи оценивали почти в миллион. Немногие торговые дома пользовались бы таким кредитом, каким мог бы располагать он, если бы захотел воспользоваться связями, давно установленными его отцом, бывшим капитаном торгового судна, с различными факториями Индии. Но, свободный от всяких уз и не зная, что стало с большинством его родственников, которых морские странствия разнесли по всем концам света, он имел состояние, с избытком удовлетворявшее все его потребности. Он вёл жизнь холостяка, в общем довольно скромную, и по-своему занимался благотворительностью, без хвастовства, не привлекая внимания. Он питал страсть к научным опытам и китайским безделушкам; обедал у трактирщика и украдкой поддерживал две или три любовные интрижки, чтобы не оставаться без них.

Смерть старого чернокожего слуги, служившего ему с детства, очень его огорчила и побудила решить, что впредь он вовсе не будет держать прислуги: следует признать, причиной тому была недоверчивость. Ему предлагали нескольких весьма расторопных молодцов, но их вид ему не понравился. В то время много говорили о многочисленных кражах. Он скрывал свои опасения, представляя отказы следствием твёрдого жизненного правила.

Однако один из его арендаторов прислал к нему шампанского крестьянина довольно глупого вида, желавшего поступить в услужение и покорнейше просившего о хорошем отзыве, и г-н де Лафайоль переменил своё решение; этот дурачок вполне ему подходил. Он остался доволен выбором и написал арендатору благодарственное письмо. Спустя некоторое время однажды утром шум сильной ссоры в передней заставил г-на де Лафайоля вскочить с постели. Незнакомец в широкополой соломенной шляпе, весь закутанный в меха, жестоко избивал палкой бедного слугу. — Вы мошенник! — кричал тот. — У моего господина нет родственников в Индии; все они, слава богу, умерли.

Незнакомец, чья ротанговая трость столь проворно описывала дуги над чужими спинами, назвался г-ну де Лафайолю. Это действительно был один из его кузенов, о существовании которого он прекрасно знал, хотя слышал о нём только от отца. Из бумажника были извлечены паспорта, подписанные властями Чандернагора, старые письма покойного г-на де Лафайоля-отца, тысяча бесспорных доказательств, и за завтраком много смеялись над предубеждением этого

шампанского деревенщины, который из усердия вздумал начисто упразднить остатки родни своего хозяина. Приезжий из Дальней Индии, чьи манеры отличались слишком уж колониальной развязностью, захотел снискать расположение Андре (так звали слугу), бросив ему несколько золотых монет. Андре благородно оттолкнул их ногой и затаил обиду. Каждый день эта история служила главным развлечением для обоих Лафайолей, мало о ней заботившихся и находивших удовольствие в том, чтобы дразнить мелкую злость этого чудака. У деревенщин душа помещается где-то между лопатками. Андре, прислуживая индийцу, ни на минуту не переставал держаться с ним словно собака, готовая укусить. Хозяин по-светски читал ему нравоучения, доказывая, что и слуга обязан быть добрым христианином. Впрочем, этот приезд оживил столь долго спокойный дом нашего холостяка. Кузену предстояло заключить множество сделок и совершить торговые операции как для себя, так и для других; комиссионеры по парижским товарам и торговцы с улицы Ломбар ожидали приёма у нашего миллионера, который, разумеется, не позволил бы своему родственнику поселиться где-либо ещё. Менялы, ювелиры, торговцы веерами выстраивались в очередь к индийцу. Ему оставалось пробыть в Париже только пятнадцать дней. Чтобы поскорее справиться со всеми этими хлопотами, обедали у г-на де Лафайоля, и вечера свидетельствовали о полном разрушении прежних привычек; под предлогом присутствия кузена, невзирая на пересуды соседей, приглашали дам, желавших получить специальные сведения о нравах Индии и особенно о том, как там занимаются любовью. Господин Андре позволял себе при этом, словно настоящий болван, нравственные наставления ради доброго имени и здоровья своего хозяина, который не обращал на них внимания, смеялся и уверял деревенщину, что способен делать в десять раз больше, не утратив крепости, а относительно доброго имени полагал, что его всегда остаётся достаточно, даже когда от него уже ничего не осталось. Среди шума этой новой жизни, своего рода карнавала в прежде столь размеренном существовании, появился крестьянин, привёзший круглую сумму денег. Это был арендатор из Бри, которому г-н де Лафайоль был обязан появлением Андре. Кузен вышел вместе с Андре. — Спасибо, папаша Круазетт, за чудака, которого ты мне добыл. — Кого это? — Да этого слугу, крестьянина Андре; я им очень доволен, хоть он и глуп как пробка. Ум скотины состоит в послушании, и такой ум у него есть. — Ей-богу, сударь, я очень рад; только зачем же вы мне с этим пристаёте? Не понимаем мы вас. — Ты получил моё письмо, ты знаешь, что я взял Андре по твоей рекомендации. Он на вес золота; но мне довольно было и твоего слова. — Погодите, я никого вам не рекомендовал; не вздумайте приписывать мне ваши глупости. — Ты меня не понимаешь? — Я понимаю, что письма никакого не получал, что мы там тревожились о вашем здоровье, вот я и приехал, а вы мне тут толкуете про какого-то Андре, которого я ни от Адама, ни от Евы не знаю, вещи совсем уж непонятные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.